

2. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 070.11:94(477.75) «1853/1856»

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.20177689>

«СЕВЕРНАЯ ПЧЕЛА» О ЖИЗНИ БЛИЖНЕГО ТЫЛА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ

Бояркина Н. В.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Россия
E-mail: boiarkina-natalia@list.ru*

Литературная и политическая газета «Северная пчела» в период Крымской войны активно участвовала в информационном противостоянии с европейской прессой, стремясь обеспечить читателей разнообразной информацией о конфликте, к которому было приковано основное внимание публики. К числу успешных редакционных практик, способствовавших росту интереса читательской аудитории, относится организация работы постоянных корреспондентов издания на театре военных действий и в тыловых городах. Редакция сумела обеспечить регулярное поступление собственной информации из действующей армии (от офицера Петра Алабина), а также из городов ближнего тыла (Симферополя и Ялты). В статье анализируются газетные публикации о жизни Симферополя, Южного берега Крыма, Евпатории и Керчи в военное время. Эти корреспонденции являлись важным средством воздействия на коллективное сознание, консолидировали общество в сочувствии армии и согражданам, оказавшимся под ударами неприятеля; развенчивали миф о «рыцарском характере» Крымской войны.

Ключевые слова: Крымская война, «Северная пчела», собственный корреспондент, В. М. Княжевич, Н. В. Михно, Симферополь, Ялта, Керчь, Евпатория.

ВВЕДЕНИЕ

Литературно-политическая газета «Северная пчела», являясь одним из ведущих информационных ресурсов Российской империи середины XIX в., в период Крымской войны (1853–1856) существенно повысила свою популярность, увеличив тиражи до 10 тысяч экземпляров [41, с. 189]. Спрос на газету свидетельствует, что изданию в значительной степени удавалось удовлетворять читательский интерес к информации о конфликте, приковавшем основное внимание публики. «Северная пчела» активно участвовала в информационном противостоянии с западной прессой [20, с. 30] и на протяжении всей кампании, по мнению известного историка отечественной журналистики Ю. В. Лучинского, оставалась «наиболее достоверным источником получения информации для своих подписчиков» [21, с. 68].

Сами издатели «Северной пчелы», объявляя подписку на 1857 г., определили в числе значимых редакционных решений, способствовавших росту интереса читательской аудитории, организацию работы постоянных корреспондентов:

«Издатели “Северной пчелы” не жалеют ни трудов, ни издержек для угождения своим читателям: это доказывается рисунками при некоторых статьях, заведением постоянной корреспонденции как на главных пунктах европейской политической деятельности, так и на местах военных действий прошлого времени, и прибавлениями в случае надобности» [43].

Редакция сумела найти собственных корреспондентов. Так, новости из действующей армии регулярно сообщал Петр Владимирович Алабин [2]; в городах «ближнего тыла», Симферополе и Ялте, у издания тоже были свои авторы.

В последние годы научный интерес к журналистике эпохи Крымской войны заметно возрос. Исследования Ю. В. Лучинского [20; 21], А. П. Машенко [24], М. В. Патрикеевой [38], Д. К. Первых [39; 40], Е. В. Сартакова [42], Ю. Н. Смирнова [44] и др. позволяют уяснить многие закономерности, которым подчинялся процесс адаптации отечественной прессы к условиям военного времени. Объяснимо, что в поле исследовательского интереса оказывалась и «Северная пчела» [2; 20; 21; 38; 47] как одно из известных периодических изданий. Однако некоторые аспекты в деятельности этой газеты все еще не охвачены. За пределами целенаправленного научного внимания до сих пор оставались публикации, освещавшие ситуацию в городах и районах, расположенных неподалеку от основного театра боевых действий. Между тем указанные тексты позволяют не только оценить степень новаторства журналистики в условиях военного кризиса, но и представляют собой ценный исторический источник о событиях в Ялте, Симферополе, Евпатории, Керчи. Жизнь этих городов в период Крымской войны является сейчас предметом многостороннего научного интереса [3; 4; 8; 10; 25; 36; 37, с. 431–439; 45; 48].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

«Северная пчела» в режиме военного времени

Газета «Северная пчела» во время Крымской войны активно освещала ход кампании, широко используя разнообразный материал не только других изданий, но и собственную информацию. Заимствования из чужих источников размещались в основной части издания, оригинальная информация – в приложении «Пчелка». Периодически газета выходила с прибавлением «Известий из Крыма», содержащим журнал военных действий.

Основная, официальная, часть газеты, в этот период была дополнена постоянными подрубриками. Например, во «Внутренних известиях» появились подрубрики «Известия из Крыма», «Известия с Восточного берега Черного моря»; в «Новостях зарубежных» – «Из Крыма», «Действия в Крыму и на Черном море».

Основными несобственными источниками для «Северной пчелы» выступали, в первую очередь, «Санкт-Петербургские ведомости» (официальная газета, из которой черпались сведения о манифестах, рескриптах, назначениях, исключениях из списков военных чинов в связи со смертью и проч.), «Русский инвалид» (официальная газета военного министерства), «Морской сборник» (специальное издание морского министерства), а также газеты официального характера – «Одесский вестник» и «Кавказ». Использовалась «Северной пчелой» также информация «Русского художественного листка» В. Тимма.

Привлекая объемный, разнообразный и насыщенный сведениями материал, представляющий собой и военные отчеты, и повествования об отдельных битвах и подвигах конкретных людей, газета в то же время не довольствовалась перепечатками из других изданий. Среди эксклюзивного материала «Северной пчелы» особо обращают на себя внимание письма читателей и сообщения от постоянных корреспондентов из разных мест.

Наряду с другими изданиями газета использовала распространенную как в отечественной, так и зарубежной периодике практику публикации частных писем. Среди писем в редакцию есть, например, воспоминания о генерале М. З. Лисенко; заметка о панихиде на могиле генерала Нахимова; предсмертное письмо погибшего в деле на

Мекензиевой горе прапорщика Федора Зубова, дополненное информацией об установке памятника этому воину Николаем Стобеусом и благотворительных делах в пользу армии последнего и др. К концу войны благодаря читательским письмам на страницах газеты разгорится серьезная полемика, вызванная стремлением осмыслить последствия войны для русской экономики, культуры и, главное, самосознания. Читательские письма давали важные и разнообразные сведения, но все же эти сведения были зачастую отрывочными, а сами письма поступали в редакцию лишь эпизодически. Это не позволяло организовать сколько-нибудь регулярный поток нужной информации. Потому своей особой заслугой издание справедливо считало приобретение постоянных корреспондентов на театре военных действий и в прифронтовых городах.

Корреспонденции с Южного берега

Первая корреспонденция с Южного берега Крыма (а всего их было шесть) появилась в «Северной пчеле» в конце января 1855 г. за авторством местного жителя, ялтинца Зеленкевича. Последующие материалы о событиях на Южном берегу, опубликованные в октябре и декабре того же года, а также в январе следующего, подписаны буквой «З». Судя по содержанию и стилю изложения, они также принадлежат Зеленкевичу. Здесь рассказывается о событиях за период с 22 сентября 1854 г. по ноябрь 1855 г.

В качестве исторической справки следует уточнить, что основная часть неприятельских войск была сосредоточена непосредственно вблизи осажденного Севастополя. Однако часть свободных подразделений регулярно направлялась неприятелем в доступные окрестности для пополнения запасов фуража и провианта. Южный берег Крыма не раз становился привлекательной целью таких «экспедиций» [37, с. 186]. В шести упомянутых корреспонденциях с хронологической последовательностью описаны мытарства местных жителей, связанные с набегами неприятельской армии на южнобережные имения.

В первой корреспонденции Зеленкевич описывает происшествие конца сентября 1854 г., то есть спустя три недели после начала осады Севастополя. Статья вышла под заголовком «Высадка англо-французов в Ялте, 22 и 23 сентября 1854 г.»¹; она настолько объемна, что занимает все приложение «Пчелка». Корреспондент-очевидец сообщает, что в те дни к берегу приблизились вражеские корабли, которые прежде проходили мимо или производили промеры прибрежных глубин. Впервые местные жители увидели союзные корабли в акватории Ялты еще в мае 1854 г.; это вызвало страх, но, поскольку суда к берегу не подходили, к таким инцидентам постепенно привыкли.

По словам корреспондента, 22 сентября перед рассветом в море показалось в общей сложности десять кораблей и пароходов, которые поравнялись с Ливадией. Автор уточняет, что шесть судов принадлежали англичанам, три – французам, остальные – туркам. С эскадры к берегу отправились канонирские лодки – с пушками на носу и вооруженными командами (от 50 до 70 человек в каждой лодке):

«Представляю читателям вообразить положение жителей города Ялты: в городе ни одного инвалида, ни одной даже заржавленной пушки, а между тем перед глазами их десять кораблей; в открытых бортах дымятся фитили; шестнадцать канонирских лодок приближаются с десантом, не менее, если не

¹ Эта, первая, публикация цикла, посвященного набегам англо-французов на Южный берег Крыма, включена в сборник материалов для истории Крымской войны и обороны Севастополя под редакцией Н. Ф. Дубровина [23, Вып. 3, с. 128–136].

более, тысячи человек с ног до головы вооруженных; и вся эта громадная сила направлена против несчастной Ялты, в которой и в мирное время жителей, считая и грудных детей, не более пятисот душ» [11].

В городе началась паника, в сторону Симферополя «потянулись обозы и нестройные толпы пешеходов с выражением страха и отчаяния на лице». Незванные гости оцепили город пикетами и «у ворот каждого дома поставили часовых».

С этого дня южнобережные имения подвергались постоянным набегам со стороны союзников, которые шли сюда за провизией; первоначально они обещали платить условленную цену за скот, птицу, яйца и вино, однако сразу же перешли к прямому грабежу и разрушению.

Продолжая рассказ о событиях сентября 1854 г., Зеленкевич разделил повествование, выражаясь современным языком, «по локациям», «чтобы не сбиться в подробностях». Он описал «подвиги» союзников на набережной и на улицах города, где они – как рядовые, так и офицеры – охотились за птицей, забивая ее камнями и палками, тут же ощипывали, разводили костры и, немного обжарив, съедали. В домах они все осматривали и обыскивали, забирали съестное, а если хозяев не было дома, то уносили и вещи. Зеленкевич сообщает, что в его дом явилось пятеро офицеров и до семидесяти рядовых:

«Первые пили мое вино, вторые ходили с обыском по дому, и оставили в нем такой порядок, который бывал на Руси после французов: двери разбиты, кладовая с разломанной дверью совершенно очищена, комоды и шкафы пусты, картины перебиты, посуда исчезла, и даже мои служебные бумаги изорваны и разбросаны» [11].

Другие места «подвигов» англо-французов: Ялтинская церковь, где были разбиты кружки и брошены иконы, но «взято немного»; дача Князя Дондукова-Корсакова, где были ограблены не только дом, винные подвалы, но и виноградник, с которого возили и носили на корабли виноград весь день 23 сентября; Ливадия, где был «освобожден» от добра погреб и господский дом; магазины князя Воронцова и графа Потоцкого; греческая деревня Аутка и т. д.

При невыполнении требований охотников за провизией людей брали в плен:

«За массандрский скот, каменный уголь (слишком 2,500 пуд.), ясеньевые и дубовые доски, взятые в магазине князя Воронцова, за вино графа Потоцкого до пятисот ведер заплатили свободой эконома и винодела. Последнему на дорогу подарили палочку шоколада в золотой бумажке» [11].

По словам автора, когда мародеры возвращались на корабли, «комическую картину представлял их строй: почти у каждого солдата в ружейный ствол воткнут был букет цветов, а сзади у сумки висела ощипанная курица или гусь», «в это время почти все они были слишком огорчены...» [11].

Следующие корреспонденции Зеленкевича продолжают летопись деяний союзников на Южном берегу по занятии ими Байдар 22 мая 1855 г. В двух октябрьских газетных материалах за 1855 г. описываются события июля–сентября того же года. Это рассказ о дялихся грабежах, и автор начинает его саркастичным пассажем:

«Англо-французы твердят, нам стоит захотеть, и кто устоит против наших храбрецов, против наших армад! Храбрецы разделяют эту мысль, но, видя, что замыслы их ещё слишком далеки от исполнения, как люди бывалые порешили:

“Мы поиздержались, пообносились, пооборвались. Хотя и принято, что во время войны частные имущества не должны страдать, но это правила близоруких и непроверенных дикарей. Мы можем успокоить свою совесть, если она только осмелится заговорить, другим правилом: имущество чье бы то ни было, переходя в другие руки, остаётся тем же имуществом, следовательно, потери нет ни для кого. На основании этого правила благоразумие велит закинуть сети в мутную водицу. При том же с нами есть татары, турки и всякий сброд людей: можно взвалить на них. Да и кто поверит, что представители образованнейшего Запада грабят, воруют и святотатствуют? Это было бы несовместимо с нашей репутацией, не в порядке вещей”» [12].

Далее рассказчик воссоздает по датам хронологию «визитов» англо-французов, в ходе которых они «брали, что могли, а что не могли или не хотели взять, уничтожали»: 25 мая они наведывались в имение графа Кушелева-Безбородко, 2, 5 и 10 июля – графа Потockого в Мелассе, 16 июля – Мухалатку графа Шатилова. До 29 июля «визитеры» хозяйничали в имениях Олива, Сабурова и Кушелева-Безбородко. Посещение неприятелем домово́й церкви в Мухалатке подробно описывается автором как случай беспримерный – святотатственный и кощунственный, «немыслимый даже между дикарями». Как сообщает корреспондент, сначала в церковь явился один француз, который, «попеременно осеняя себя крестным знамением», собрал и сложил в узел все служебные принадлежности и облачения служащих. Пришедшие вслед за ним несколько часов спустя девять французов, «не найдя в ней поживы, изрубили в куски царские врата, престол и жертвенник, иконы же разбросали по дороге. У некоторых ликов найдены впоследствии глаза выковырянными» [12]. Костел, расположенный в имении Олива, испытал ту же участь.

Англо-французы ограбили Ласпи, Форос, Мшатку, Лимнеиз, Мухалатку и остановились перед Кастрополем Демидовых, хотя далее располагалось еще несколько имений. Рассказчик предположил, что причиной остановки стала угроза со стороны казаков. В конце июля был сформирован летучий отряд из роты балаклавцев и полусотни казаков, которых англо-французы меньше опасались, когда оставались под прикрытием своих корабельных орудий:

«Лишь только пароход заметит на шоссе десяток казаков или несколько подвод вместе, тотчас поднимает якорь, летит на всех парах от Мшатки до самого Кикинеиза и далее и потрясает воздух выстрелом бомбических орудий. На днях помещик Ревелиоти вздумал поднять вино, оставленное в Кикинеизском имении, и послал туда извозчиков. Русачки показались перед аулом Кикинеиза, покормили лошадок и собирались спускаться в имение, как, на их беду, заметил их пароход, подбежал к спуску и десятками бомб и ядер разогнал перепуганных мужичков. Подумаешь, что англо-французским морякам велено испытывать Проксановы пушки и определять дальность полета бомб и ядер, или у них слишком большие запасы этих снарядов, иначе они не разбрасывали их, как ученик камешки...» [12].

Обстрелу также подверглись опустевшие рабочие казармы в имении графа Голицына при деревне Кучук-Кой, где оставались только бондарь, он же писарь, и два чернорабочих. Первый занимался письмом в казарме, когда та начала рушиться под ударами пушечных ядер. В этот период в поведении неприятеля появилась новая черта – он начал искать на Южном берегу и «невольтить» подозреваемых в шпионаже. В июле за шпионаж в пользу

русских взяты купец Пасхали, крестьянин Александр Иванов и винодел-иностранец из имения наследников Раевских Маух, столяр и кузнец мухалатского имения Шатилова, которые были отправлены в неприятельский лагерь в Камышовую бухту. Упоминается также как о разделившем эту участь крестьянине шатиловского имения старике Антоне.

В одной из последующих, декабрьской, публикации «Северной пчелы» воспроизводится подробный рассказ одного из этих пленников, столяра Штека, о пребывании в английском лагере, о том, что ему пришлось пережить за 53 дня, проведенные под строгим караулом. Ему постоянно грозили расстрелом и виселицей за то, что он якобы намеренно остался на Южном берегу с целью вывезти имущество помещиков и шпионить за войсками союзников.

«Поместили нас в палатке, окруженной часовыми, и для покрывки в ночное время дали на двоих одно старое одеяло. Свободы нам решительно не было; караул наш до того был строг, что четырех шагов от палатки не позволяли отходить; и то раз или два в день, чтобы подышать свежим воздухом. И все эти предосторожности против воображаемого бегства из центра армии! <...> Оглянулись мы и заметили недалеко от палатки заготовленный лес и рабочих, рывших ямы. В чем нам сознаться? Чего от нас хотят? Не того ли, чтоб мы выдумали преступление и доставили им удовольствие зрелища смертной казни, а вместе с тем и доказательство благоустроенной полиции. Тот же переводчик навесил нас и объявил: “Завтра велено покончить с вами, утром вас повесят”. Это было недели две спустя после объявления, что нас расстреляют. Нечего делать, видно судьба наша такова! Пусть вешают. Наступила ночь, а вместе с ней и фурии ада, терзавшие нас и при первом предуведомлении; тоска и отчаяние доводили нас до изнеможения» [15].

«Мирного жителя брать, заковывать и бить – закон слишком мудреный, понятный только цивилизованному Западу!» [12], – комментирует эту историю автор корреспонденции.

Продолжая разорение Южного берега, англо-французы все же добрались до Кастрополя Демидовых. Здесь их целью стал, прежде всего, виноград, для доставки которого в армию посланы «три полка пехоты, а для защиты их от нападения нашего отряда, дивизион кавалерии стоит днем у лестницы, в сообщении с цепью, расставленной по горе» [13]. «Саранча, в образе непрощенных гостей, собирает и отправляет из занятых имений целые грузы в Балаклаву и Камышовую бухту» [13], – свидетельствует рассказчик. Он, между прочим, сообщает, что уже три года как в Крыму начал болеть виноград, что, наряду с холодными ночами и неприятельскими сборщиками, вынуждает раньше собирать урожай. Впрочем, даже в подобных обстоятельствах местный житель сохраняет надежду на лучшее:

«Говорят, нет худа без добра; сейчас Южный берег терпит и много терпит во всех отношениях, но не всегда же быть войне; когда-нибудь настанет и на нашей улице праздник. Будет время мира, и тогда вина Южного берега пойдут как никогда не шли. Армия разойдется во все концы необъятной России и разнесет по всем уголкам тот отзыв о достоинстве здешних вин, какой не раз случалось нам слышать, что до прибытия сюда почти никто из офицеров и нигде в винах, продаваемых по виду южнобережных, не находил ничего подобного по букету и приятности. Один недостаток здешних вин – крепость, но это вина грунта и климата» [13].

До середины сентября англо-французы грабили Кастрополь Демидовых и Мазуревских. Затем нападению подверглось имение княгини Голицыной в Кучук-Кое. Описывая причиненный последнему вред, рассказчик отказывается понимать некоторые действия разрушителей, а именно бессмысленное уничтожение деревьев:

«Ну, это их добыча, нашли и взяли. Но дубки, поставленные близ казармы для тени, масличные деревья между виноградниками? Сердце обливается кровью, как вспомню, что молодые маслины срезаны моими же пилами и самого корня и брошены тут же» [14].

В дальнейшем, до конца октября, неприятель продолжал опустошительные действия на дачах, лежащих у деревень Кикинеиза, Симеиза и Лимены:

«Лимена, Шапиловой, буквально разорена; старые вина и спирт выпиты, молодое вино, как негодное к употреблению, выпущено из разбитых бочек; мебель обращена в щепы; часть библиотеки унесена, остальные книги, и особенно инженерные, изорваны в мелкие куски; двери и окна перебиты; от постели остались пух, перья, грива и мочала, разбросанные по комнатам и перемешанные с самыми разнородными обломками» [16].

При этом сообщается, что разорители несколько изменили образ действий:

«Теперь они при набегах на имения бросаются, прежде всего, на то, из чего походные мастерские могут состряпать бельё и другие полезные вещи, и потому бельё всякого рода, наволоки из подушек и матрасов, покрышки мебели верхние и нижние, даже хряц, грубая парусина и старые мешки, мгновенно исчезают в тех домах, где эти господа погостят хоть несколько минут, всё ценное, но громоздкое, несмотря на изящество отделки и ценность материала, истребляется. Видно, пообносились!» [16].

Со временем расширился и «перечень» объектов грабежа: если сначала татарское жильё было неприкосновенно, то теперь ограблениям подвергались и татарские аулы. Между тем охотники за чужим добром стали попадаться нашим отрядам. В первой декаде сентября казаки захватили двух французов. Пленники поначалу пребывали в страхе и ожидали жестокой расправы, но, поняв, что, вопреки их представлениям, русские не убивают пленных, сдирая кожу или вешая, сообщили, что, зная об этом заблуждении другие, русским бы пришлось только и делать что «брать и водить перебежчиков», – так всем надоела жизнь в лагере под Севастополем.

18 сентября наши пленили еще двух солдат неприятеля, но они оказались не французами; это помогло сделать заключение о составе «экспедиционных» команд:

«Отряд грабителей на Южном берегу – чистая микстура, состоящая из всех негодяев и отверженцев порядочного общества Италии, Германии, Испании, Швейцарии, известная под названием иностранного легиона. Офицеры у них французы, есть и несколько французских солдат. Для защиты их и отвоза награбленных продуктов и материалов, назначают от главного штаба два парохода. Значит, за разорение южнобережных имений мы и должны винить французов: как прежде грабежи, пожары и даже убийства они взваливали на турок и татар, так ныне взваливают на иностранный сброд, или легион» [14].

Автор, ссылаясь на показания пленников, сообщает, что легионеры также устали от севастопольской жизни. Они нанимались на работу ремесленниками в алжирские

колонии, а вместо этого были привезены солдатами в Крым; жалование им дают в восемь раз меньше обещанного (7 франков вместо 40), которое при этом постоянно задерживают на несколько месяцев; кормят недостаточно (четыре плитки сушеного хлеба, каждая в четверть фунта, отпускается солдату на три дня, также выделяется ежедневно четверть фунта мяса, кофе и ром); жалобщиков подвергают наказанию в виде запрета находиться под крышей или в палатке: провинившиеся должны в любую погоду пребывать на открытом воздухе и убирать нечистоты (так, один из пленных подвергся штрафу за то, что пожаловался сержанту на отсутствие возможности обсушиться после работы в траншейной грязи). Варварское разграбление Южного берега легионеры оправдывали, среди прочего, плохим обеспечением армии. Объяснимо, что разорение прибрежных имений продолжалось до конца 1855 г.

К ноябрю местность от Байдар до Ялты совсем опустела: местные жители, опасаясь оккупации врагом Южного берега, почти все выехали; оставшиеся жили в постоянной готовности сняться с места: появляется казак со словесным донесением, и «нехитрые пожитки» грузятся на телегу или укладываются в ранцы на спины тех, «кто решился удирать пешком». Несколько часов люди проводят в томительном ожидании – до обстоятельного донесения, что неприятель отступил, и тогда переходят из походного состояния в мирное.

Автору корреспонденции известно, что англо-французы терроризировали мирные поселения и за пределами Крыма, например, пятикратно бомбардировали Атманай Мелитопольского уезда (подробный рассказ об этом «Северная пчела» перепечатала из «Одесского вестника» в № 54 за 8 марта 1856 г.). Все это заставляет рассказчика констатировать:

«Нынешняя война не война, а разбой, и <...> флибустьеры новейших времен беспощадно храбры только там, где нет ни противодействия, ни сопротивления»
[16].

Корреспонденции из Симферополя.

В. М. Княжевич

Симферополь являлся не только административным центром Таврической губернии, но и важнейшей тыловой базой, расположенной довольно близко к зоне боевых действий. В октябре 1854 г. неприятельские разъезды были замечены всего в 27 верстах от города [37, с. 437]. Конечно, положение в ближнем тылу интересовало широкую аудиторию, и «Северная пчела» публиковала корреспонденции из Симферополя. В основном авторы присылали «единичные» письма, но был и такой корреспондент, которому принадлежал целый цикл «репортажей» из Симферополя. О нем будем говорить чуть позже, а пока остановимся на одной из «отдельных» корреспонденций.

Она напечатана 28 января 1855 г., а датирована 26 декабря 1854 г., то есть «добиралась» до газетной полосы более месяца. Ситуация в Симферополе в момент создания корреспонденции была крайне тяжелой, поскольку в город постоянно привозили множество раненых из Севастополя. В декабре 1854 г. здесь было 4 тысячи раненых [37, с. 439], что равнялось примерно трети от общего числа жителей. Объяснимо, что корреспонденция посвящена, прежде всего, ситуации в госпиталях, а ее автор отмечает, что «небольшой город превратился отчасти в госпиталь и в богадельню». Позволим себе обширную цитату из этой публикации, а потом дадим необходимые комментарии:

«Мы, жители Симферополя, стеснились и уступили место храбрым защитникам нашим, пораженным или мечом, или болезнью. Но, кроме того,

Симферополь сделался утешителем выходцев из Севастополя, Евпатории и особенно Балаклавы, из которых англичане выгнали всех мирных жителей с их семьями. За то и благотворительность всей России течет теперь на Симферополь. Не говорю об участии в нашем положении высоких особ. Государыня Императрица удостоила прислать нам шестьдесят сердобольных вдов. Великая Княгиня Елена Павловна тоже благоволила доставить сюда тридцать сестер Крестовоздвиженской общины, и еще пятнадцать, как слышно, на пути к нам. Кроме того, с каждым днем привозят к нам почти со всех концов России корпию, бинты, компрессы, белье и деньги для пособия раненым и больным <...>.

Чиновники Таврической Казенной Палаты поручили мне пожертвованную ими сумму 88 р. 85 коп. на больных, для которых уступлен дом Палаты, где поместились вначале 406 человек, а теперь, когда менее больных, до двухсот. Всем слабым дается чай, иным – красное вино, другим – водка. Куплены разные вещи для удобства больных. Табак раздается постоянно <...>.

Из Вознесенска от 2-жи начальницы Института благородных девиц получено мною семь с половиною дюжин рубаш, шитых руками дочерей Ея Превосходительства и классных дам; сверх того от них же – значительное число бинтов, корпии, компрессов.

Нельзя вычислить всех заслуг в этом отношении нашего маленького общества и, особливо, женской его половины. В начале наших печальных дней, когда еще не разнеслась весть о том по России, одни симферопляне употребляли все свои слабые средства, чтобы облегчить по возможности страждущих. Мне известны добрые дамы, принимавшие на себя самые сердобольные обязанности с редким самоотвержением. Так и ныне, чтоб пособить выходцам из других городов <...>, накидали разных вещей, из которых состоялась маленькая общественная лотерея, которой билеты разобраны ими же. Сколько слез отерто этими сердечными даяниями! Не прав ли я, называя наш город и госпиталем, и богадельнею?» [5].

Корреспонденция подписана литерами «В. К.» Зная обстановку в Симферополе той поры, можно утверждать, что подпись расшифровывается как «Владислав Княжевич». Речь идет о Владиславе Максимовиче Княжевиче (1798–1873), который служил в Крыму с 1832 г. вице-губернатором, а с 1838 г. председателем Таврической казенной палаты [36, с. 432]. У В. М. Княжевича была усадьба Марьино близ Симферополя (ныне симферопольский микрорайон Марьино) и южнобережное имение Туак (ныне Рыбачье) [36, с. 436].

Слова из корреспонденции Княжевича о том, что жители Симферополя «стеснились и уступили место храбрым защитникам» следует воспринимать буквально. Когда в сентябре 1854 г. после кровопролитного Альминского сражения в Симферополь стали доставлять сотни раненых, город к этому совершенно не был готов. При отсутствии госпитальных помещений, прибывших приходилось размещать в частных домах и казенных учреждениях. Попечение об этом взял на себя именно В. М. Княжевич. В собственном доме он разместил 406 больных [36, с. 432]. В городе также катастрофически не хватало медицинских препаратов и людей, подготовленных ухаживать за ранеными. Это заставило Княжевича обратиться к благотворительности подчиненных ему чиновников, которые собирали деньги на уход за больными [36, с. 432] и поочередно дежурили в местах их размещения [36, с. 433].

Поддержка со стороны «высоких особ» в тот момент действительно оказалась неоценимой. Императрица Александра Федоровна прислала из Мариинской больницы

Петербурга (Петербургского Вдовьего дома) сердобольных вдов, которые могли оказать раненым квалифицированную помощь [36, с. 439]. Что касается Крестовоздвиженской общины, то она по инициативе великой княгини Елены Павловны была специально создана для помощи раненым в непосредственной близости от поля боя в Крыму. Причем это первая в мировой истории община сестер милосердия. Она была учреждена 25 октября 1854 г. и предвосхитила подобное начинание Флоренс Найтингейл [36, с. 431–432]. Возглавил Крестовоздвиженскую общину Н. И. Пирогов, а заведовал делами общины в Симферополе В. М. Княжевич. Таким образом, «Северная пчела» публиковала корреспонденцию человека, более чем кто-либо иной посвященного в положение госпитальных дел ближнего тыла.

Прибавим к этому, что в юности В. М. Княжевич был вхож в литературные круги Петербурга и был знаком с Н. И. Гречем – редактором «Северной пчелы» [36, с. 443]. В «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова указано, что в 1821 г. В. М. Княжевич печатался в «Благонамеренном» под псевдонимом «Кн–ч., В.» [22, т. 2, с. 36]; использовал он также подписи «К–ч, В.» и «Я.» [22, т. 4, с. 233]. Теперь мы можем прибавить к этому перечню подпись «В. К.», под которой Владислав Максимович рассказывал читателям «Северной пчелы» о ситуации в Симферополе в конце 1854 г.

Корреспонденции Н. В. Михно

Постоянным симферопольским корреспондентом «Северной пчелы» стал Николай Васильевич Михно. Он также был симферопольским чиновником и, безусловно, имел знакомство с В. М. Княжевичем. После войны, в 1860-е гг., он переедет в Петербург, где станет редактором ежемесячного театрального журнала «Русская сцена», а затем – «Ведомостей Санкт-Петербургского градоначальства». В 1875 г. вернется на полуостров и многое сделает для развития крымской печати. С 1878 г. по 1879 г. он будет издавать первую в Крыму частную литературно-политическую газету «Крымский листок», с 1897 г. по 1904 г. – газету «Салгир».

О начале журналистской деятельности Михно известно немного. Так, можно встретить утверждение, что первой газетной публикацией Михно стали его воспоминания «Из записок чиновника о Крымской войне», опубликованные в «Русском инвалиде» в 1857 г. [46, с. 58] и повествовавшие о тревожных днях сентября 1854 г., когда в Симферополь стали приходить сведения о начале военных действий на территории Крыма. В связи с этим необходимо указать на более раннюю публикацию Н. Михно в «Русском инвалиде». Это корреспонденция «Из Симферополя» (подписана «Н. Михно»), опубликованная в «Русском инвалиде» 2 марта 1855 г. [28]. Кстати, эта публикация обратила на себя внимание известного историка Крымской войны Н. Ф. Дубровина, который включил ее в «Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя» [23, вып. 5, с. 297–300]. То есть следует заключить, что в журналистике Н. Михно дебютировал в качестве не мемуариста, а корреспондента из зоны ближнего военного тыла.

Но важно вот еще что. Указанная публикация в «Русском инвалиде» является перепечаткой корреспонденции, вышедшей днем ранее в «Северной пчеле» [27]. Известный историк журналистики Б. И. Есин упоминал, что Н. Михно в период «Крымской войны» сотрудничал, помимо иных газет, с «Северной пчелой» [9, с. 173], однако не конкретизировал, насколько активно и в какие именно сроки. Теперь мы знаем, что газетное сотрудничество Н. Михно начал именно с «Северной пчелы». Предпринятый нами просмотр газеты за соответствующий период дает основание утверждать, что это сотрудничество началось с февраля 1855 г. – публикацией корреспонденции из

Симферополя [26]. Затем Н. Михно присылал материалы в редакцию «Северной пчелы» до сентября 1856 г. За этот период в газете опубликовано девять его корреспонденций. Причем редакция явно рассчитывала на регулярность новостей, так что в какой-то момент была вынуждена уведомить читателей, что в печатании писем симферопольского корреспондента произошел перерыв с февраля по октябрь 1855 г. по причине его отъезда из города [29]. Это указывает на важность, какую придавала газета информации из тылового Симферополя.

Михно сообщал в публикации от 21 февраля 1855 г., что население тылового города за счет прибытия военных увеличилось вдвое:

«К шестнадцати тысячам прежних жителей прибавилось еще до четырнадцати тысяч военных, и вследствие этого цены не съестные припасы и другие произведения возвысились, почти учетверились» [26].

При этом, по данным корреспондента, раненых в городе немного: здоровые возвращаются в армию, а выздоравливающие перенаправляются в Карасубазар, Феодосию и Перекоп или берутся на попечение немецкими колонистами, молоканами и государственными крестьянами северных уездов Таврической губернии.

Ситуация в госпиталях известна автору не понаслышке, поскольку он регулярно их посещает. Интересно, что в качестве недостатка он указывает отсутствие у больных и раненых свежей информации:

«Инвалиды читают запоздалую газету. Мне несколько раз приходило в голову, как было бы хорошо и полезно, если бы редакции русских газет, для облегчения страданий наших воинов и развлечения их при скуке выздоровления, высылали от себя бесплатно в госпитали, собственно для больных и раненых нижних чинов, по несколько экземпляров издаваемых ими газет» [30].

Собственно медицинская часть, по наблюдениям корреспондента, благодаря опытности медиков и самоотверженности сестер милосердия, не вызывает нареканий: «госпитальные болезни уменьшились, и тифозная горячка действует слабее прежнего» [26]. Особую благодарность симферопольцы испытывают к Андрею Федоровичу Арендту, «соединяющему с отличающим его бескорыстием, многолетнюю опытность, чуждую педантизма и ложных теорий, с современным светлым взглядом на врачебную науку» [31]. Здесь уточним, что Андрей Фёдорович Арендт (1795–1862) – родоначальник известной династии крымских врачей и благотворителей, знаменитый доктор, которого «знали не только в Симферополе, но и в других городах Крыма и за его пределами. Среди его пациентов числились известные в России писатели, поэты, в том числе В. А. Жуковский, В. Г. Белинский, его другом был хирург Н. И. Пирогов» [7, с. 25]. Начиная деятельность в Крыму в 1814 г. с должности лекаря больницы при Крымской соляной экспедиции в Перекопе, попутно исполняя обязанности уездного врача Перекопского и Симферопольского уездов. Затем состоял инспектором Таврической врачебной управы. В годы Крымской войны заведовал Странноприимным домом Таранова-Белозерова в Симферополе. За усердие в лечении раненых и больных воинов статский советник Арендт как главный врач этого заведения был награжден бриллиантовым перстнем [19].

Впрочем, Михно не стремится идеализировать положение. В других его корреспонденциях угадывается тревога по поводу эпидемиологической ситуации. Так, автор указывает на опасность распространения чумной заразы вследствие разложения

множества трупов, для предотвращения чего принимались строгие меры: устанавливались карантинные линии, правила для захоронения трупов людей и животных:

«Для наблюдения за погребением трупов назначались особые гражданские и медицинские чиновники, и в начале прошлого, 1855 года, бывший Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор генерал-адъютант Анненков, в бытность свою в Симферополе, личными строгими настояниями, успел внушить мысль о необходимости самого тщательного зарытия мертвых тел и трупов животных, и для проверки действий в этом отношении посылал опытного доктора Щ., которому представлял в обязанность осмотреть все новые кладбища, в том числе Бурлюкское Поле, и если нужно, возвести новые насыпи на могилах» [33].

Симферополь стал местом пересылки пленных и «переметчиков»; корреспондент находит возможность личного общения с ними и с их слов передает сведения о положении дел в неприятельской армии. Скажем, жалобы англо-французов на «страдания от холода и снегопада»: «Еще вчера один пленный французский солдат уверял меня, что с того времени, как он в Крыму, с ноября месяца, он первый раз согрелся в Севастополе, когда ему дали баранью шубу» [33]. Сообщается также о серьезных трудностях с водой, которые англо-французы испытывали из-за чрезвычайной засухи до начала декабря 1855 г.; неприятельские солдаты из лагерей в Камышовой Бухте, Балаклаве и Байдарской долине вынуждены были отправляться за водой к Черной речке под огнем русских пушек и штуцеров. Михно передает анекдот (в старинном значении этого слова), имевший хождение в то время: вражеский солдат, «прибежав к реке, грозно сверкнул глазами в сторону казацкого пикета и закричал довольно правильно по-русски: “Злодеи, изверги, дайте нам воды, мы умираем от жажды!”» [31].

Важно отметить, что до симферопольского корреспондента доходили публикации неприятельской прессы о состоянии русской армии, и он полагал должным на них реагировать. Английская печать, скажем, заявляла о трудностях в обеспечении русских войск провизией, поскольку «русским из внутренних губерний доставлять продовольствие сложнее, чем из Портсмута в Балаклаву». В противовес этому Михно сообщает о надлежащем снабжении: «Продовольствие обеспечено на 8 месяцев вперед. Корм для лошадей и быков также заготовлен до мая будущего года. Вообще эта часть управления не оставляет желать ничего лучшего» [29]. Но и здесь Михно избегает идеализации. В майской корреспонденции 1856 г. он сообщает, что в течение минувшей зимы Крым очень плохо сообщался с остальной Россией из-за «неимоверной грязи». Михно подробно разъясняет, что полуостров соединяют с материком три пути: через Перекоп, Чонгарский мост и Генический Пролив; уточняет, что использование первого пути осложнялось недостатком пресной воды, из-за чего в рядах проходящих войск и среди погонщиков транспорта развивается «множество болезней»; второй путь временно закрывался после вступления неприятельских флотов в Азовское море, так что третий, ввиду изложенных причин, приобрел важное торговое и стратегическое значение.

По словам корреспондента, особую тревогу симферопольцев вызывала военная угроза со стороны захваченной неприятелем Евпатории. В октябрьской публикации 1855 г. Михно приводит письмо евпаторийца, который решил взяться за перо лишь спустя десять месяцев после оккупации города, произошедшей в сентябре 1854 г., – раньше не позволяла установленная оккупационными властями цензура. Он передал

письмо с французским пароходом, которым отправили обнищавших евпаторийцев в Одессу. Рисковавший умереть голодной смертью автор письма сообщал:

«Все наше небогатое имущество было совершенно разграблено, и вещи, самые необходимые в домашнем быту, насильно отняты, так что я и семнадцатилетняя дочь моя остались только при том, что на нас было. Выгнанные из собственной квартиры, мы принуждены были ночевать на улице, под забором» [29].

Поскольку в военных реляциях стали появляться упоминания о крымских деревнях Саки и Чеботарь, симферопольский корреспондент рассказывает читателям «Северной пчелы» об этих населенных пунктах, расположенных между Симферополем и Евпаторией. В частности, характеризуя Саки как одну из самых крупных деревень евпаторийского уезда, Михно приводит сведения о расположенных здесь на берегу озера двух грязелечебных заведениях, одно из которых подчиняется конторе Симферопольского военного госпиталя:

«В последнем, по ходатайству бывшего командира 5-го Пехотного корпуса, генерала Муравьева, больные и раненые офицеры и нижние воинские чины бесплатно пользуются лечением грязевыми ваннами. Сроком для успешного лечения грязями медики назначают весь июль месяц, но при тихой, знойной погоде можно начинать лечение с 15-го июня и оканчивать 15-го августа» [30].

Особую ценность представляют симферопольские корреспонденции, в которых отражается трагедия Керчи, превращенной союзниками в «полуразвалины». В мае 1855 г. союзный флот высадился в городе, который будет оставаться под оккупацией больше года, до июня 1856 г. Союзники грабили город и ближайшие селения, откуда местное население не могло выйти из-за строгого надзора оккупационных властей [8].

В январской корреспонденции 1856 г. Михно сообщает, что 21 ноября минувшего года в Симферополь прибыли несколько семейств «в числе двадцати пяти душ», которых англичане согласились выпустить из города.

«Поводом к этому милостивому разрешению послужили первоначально неотступные просьбы одной несчастной вдовы с шестью малолетними детьми, которая полтора месяца кряду ежемесячно являлась к генералу и требовала насущного хлеба или свободы. Первое время ей выдавали скудное пособие продовольствием; но впоследствии, когда весь город стал терпеть большой недостаток в хлебе, и цены на него поднялись неимоверно высоко, английский главнокомандующий решил выслать беднейших граждан к нашему отряду» [31].

Керчане рассказали о недостатке пресной воды в городе, о дороговизне и творимых бесчинствах: «окрестности Керчи нередко бывают немymi свидетелями кровавых сцен и убийств со стороны турок и татар». Так, в ноябре двое турок убили старуху-гречанку. Относительно богослужений керчане сообщили, что они отправляются по установленному порядку, за исключением того, что колокол звонит только один раз в день, перед началом обедни. Случались и святотатства; в частности, турки загнали своих волов в Еникальскую греческую церковь, но потом под напором горожан по распоряжению коменданта крепости скот из храма был убран.

В связи с этим уместно упомянуть еще одну публикацию «Северной пчелы». Это перепечатка помещенного в иностранном издании частного письма некоего английского туриста, описавшего свои впечатления после посещения Керчи:

«Я вообразал, что город, занятый англичанами и корпусом генерала Вивиана, представляет вид, достойный образованной нации. Увы! Керчь просто не существует: от домов остались одни стены, жители скрылись, лилась вся, даже своей одежды. Из домов расхищены не только все мебели, но даже полы, крыши и до последнего гвоздя. И это делали не турки! Я видел собственными глазами, как английские солдаты таскали вещи из домов в свой лагерь, а начальники спокойно смотрели на это, пользуясь сами в своих бараках мебелью, взятою у жителей и даже фортепиано. Но всего этого мало. Город взят, жители изгнаны, ограблены, дома их истреблены – это печальное право войны, которое иногда необходимо. Но никакая война не даёт право нарушать спокойствие могил, которые во всех религиях почитаются священными. А в Крыму образованные англичане и христиане безнаказанно нарушили этот закон, вырыли тела, разграбили гробы, разграбили их совершенно. Я сам видел, как англичане, разбросав кости мёртвых, утаскивали найденные там ими ценные вещи. И после этого наше правительство дерзнуло именем цивилизации приглашать Россию, всегда уважающую святость могил, к охранению гробниц английских воинов, погребённых в Крыму» [18].

Керченские беженцы доставили также некоторые сведения военного порядка: о недостатке воды и провизии в гарнизоне союзников, который увеличился до 25 тысяч человек; о затонувшем после повреждения нашими ядрами неприятельском корабле, который участвовал в сожжении Тамани и Фанагории: «надобно думать, что наши не заметили это, да и вряд ли могли заметить с Таманского берега» [31].

Закономерно, что центральной темой михновских публикаций является городская жизнь: автор пишет о погоде, благотворительных делах в пользу армии, развлечениях, ценах на товары и проч. Михно указывает на особую дороговизну сена, овса и соли в Симферополе и приводит сведения о расположенных в Крыму солончаках. Сообщает, что, несмотря на тревожное время, в городе празднуются свадьбы, «город предаётся зачастую общественным удовольствиям; театр во всякое представление полон; в соборной аллее и в городском саду тьма гуляющих, особенно если играет военная музыка» [30]. Кроме прочего, сообщается, что с сентября 1855 г. начал действовать телеграф:

«Теперь Симферополь может каждую минуту переговариваться с Николаевым, Одессою, Киевом, Петербургом. Частные депеши также принимаются, и плата вообще очень умеренная» [30].

Хотя военные новости по известным причинам корреспонденту раздобыть было непросто, он все же сообщал о некоторых примечательных фактах. Например, рассказывал о переходе в Крым Путиловской дружины Курского ополчения, «занимавшей временно караулы в Симферополе»; описывал эпизод с унтер-офицером Кошкой, завладевшим сбежавшей от англичан лошадью; повествовал о скачках с препятствиями, устроенных англичанами в долине Черной речки после получения депеши о мире; писал о переходе французского отряда, стоявшего гарнизоном в Евпатории, в Камышовую бухту для погрузки на транспортные суда.

Заметно, что Михно целенаправленно разыскивал интересную информацию. Так, обстоятельства упомянутого марша французов из Евпатории под Севастополь известны ему по рассказу некоего капитана П., сопровождавшего французский отряд. Передавая читателю слова собеседника, корреспондент получает возможность подробно описать маршрут перехода под командованием генерала д'Алонвиля; состояние людей, лошадей

и артиллерии; устройство походных палаток и экипировку солдат; устройство походных лагерей французов в Камышовой бухте и англичан в Балаклаве. В английском лагере особое внимание капитана П. обратили на себя «два парохода: один с машиной для металлических и столярных работ, превращающей в одну секунду железо в порошок и в одно мгновение распиливающей самое толстое дерево на части; другой, на котором заведено машинное хлебопечение, приготавливал ежедневно до восемнадцати тысяч фунтов хлеба» [17]. Сообщается также о жалобах французов на невыносимые условия жизни в палатках зимой:

«В зимнее время у французов была страшная убыль людей от болезней, несмотря на то что их постоянно в большом количестве поили кофеем и ромом. Эти внутренние пособия, в излишестве употребляемые, мало противодействовали губительным действиям местной зимы, но приучали в то же время солдат к насильственному пьянству» [17].

Интересна одна из последних корреспонденций Н. Михно, датированная апрелем 1856 г., в которой повествуется о радости местных жителей по поводу известия о мире и об оживлении на улицах Симферополя, наводненного большим количеством военных, – прежде всего, англичан, которые после объявления мира принялись активно путешествовать по Крыму. Корреспондент сообщает, что французы «застряли в Бахчисарае: сблизившись с русскими офицерами и скрепляя ежедневно заключенный мир и личную дружбу тостами во славу России и Франции, они никак не могут выбраться из гостеприимной столицы Ханской» [36]. Англичане же, по словам Михно, подтвердили свою славу прирожденных туристов. Кстати, небывалую «охоту к перемене мест» «Джонов Булей» отмечал в своих записках и Петр Алабин. Он даже высказывал сомнение по поводу существования хоть одного английского офицера, который не совершил бы небольшого путешествия по Крыму:

«Загляните вы теперь в любую часть Крыма, везде вы найдете англичан; города – и говорить нечего – набиты ими; они достигают верхом до Перекопа; многие морем поехали в Феодосию и Керчь. К нам на Мекензи знакомые английские офицеры привозили своих жен и сестер – отдохнуть на перепутье: они всем собором изволили на конях путешествовать в Симферополь» [1, с. 668].

Михно сообщал из Симферополя, что англичане поставили палатки на лугу, примыкающем к Салгиру и к самому городу, – прямо напротив дома корреспондента, и живут в них уже около недели.

Автор подробно описывает внешность жителей туманного Альбиона:

«Англичане, которых мы видим ежедневно, по большей части высокого роста, широкоплечие, с лицами выразительными, с оттенком чванства и какой-то важности, с талиями, не отличающимися тонкостью и гибкостью, – доказательство прочного домашнего воспитания, взлелеянного на сочной, крепительной пище. Глядя на них, перестаешь удивляться громадности аппетита этих потребителей рома и кровавого бифштекса, не станешь дивиться этой способности английского желудка переваривать необъятную массу мяса и напитков, которыми начинает себя Джон Буль в наших скромных гостиницах» [33].

Вообще нужно сказать, что различия между англичанами и французами (прежде всего в их отношении к русским), а также их латентная и явная конфликтность по отношению друг к другу, составляют одну из тем для осмысления в корреспонденциях как симферопольского, так и южнобережного корреспондентов.

ВЫВОДЫ

Газета «Северная пчела» в период Крымской войны, когда все внимание российской публики было приковано к Крыму и Севастополю, стремилась максимально удовлетворить спрос аудитории на сведения не только о боевых действиях, но и о ситуации в ближнем крымском тылу.

Редакции удалось организовать регулярное поступление корреспонденций из тыловых городов – Ялты и Симферополя. Кроме того, наличие симферопольского корреспондента дало изданию возможность получить некоторые сведения из оккупированных Евпатории и Керчи.

Сегодня факты, зафиксированные ялтинским и симферопольским корреспондентами «Северной пчелы», имеют в основном историко-культурное значение, но в ту эпоху они являлись, прежде всего, важным средством воздействия на коллективное сознание. С одной стороны, они консолидировали общество в сочувствии армии и согражданам, оказавшимся под ударами неприятеля; и это, безусловно, поддерживало разного рода благотворительные инициативы. С другой стороны, развенчивали миф о «рыцарском характере» Крымской войны, демонстрируя варварство оккупационных войск.

Следствием этого стали дискуссии, которые развернулись на страницах «Северной пчелы» и демонстрировали разочарование публики в «европейском мире», в идеализированном «представлении о культурном и социальном совершенстве» [34] Европы. Крымская кампания стала восприниматься как момент национального отрезвления: «Запад разгадан, Англия понята, война открыла всем глаза» [6]. В публикуемых «Северной пчелой» читательских письмах звучали призывы «обратить взоры на Азию», сосредоточиться на промышленном развитии России, избавиться от европеизации молодого поколения, от преимущественного использования французского языка, наконец... от вывесок на иностранных языках. Всё это было ответом на неприятельские действия, правду о которых доносили читателю крымские корреспонденты «Северной пчелы».

Список литературы

1. Алабин П. В. Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1854–1856, 1877–1877 годах. – Т. 3. Защита Севастополя. – М., 1892. – 810 с.
2. Бояркина Н. В. «Кровью бы следовало писать эти записки, не чернилами»: корреспонденции Петра Алабина из осажденного Севастополя // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2025. – Т. 11 (77). – № 3. – С. 129–142.
3. Быковская Н. В. Керчь в годы Крымской войны // Восточно-Крымский историко-культурный заповедник (официальный сайт). – Режим доступа: <https://kerchmuseum.ru/ru/publish/kerch-v-gody-krymskoj-vojny1.html> (Дата обращения: 16.12.2025).
4. Быковская Н. В. Керчь и Керченский полуостров в Крымской войне: некоторые вопросы истории // Военно-исторические чтения. 1943 год. Время коренного перелома в Великой Отечественной войне. Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Симферополь, 2023. – С. 119–134.
5. В. К. [Княжев В. М.] Письмо из Симферополя // Северная пчела. – 1855. – № 22 (28 января). – С. 105–106.
6. Горяйнов А. Ура тамбовским дамам // Северная пчела. – 1856. – № 32 (9 февраля). С. 165–166.
7. Громова Н. Ф. Из истории крымского здравоохранения в конце 20-х – 30-е гг. XIX в. // Актуальные вопросы истории, историографии, источниковедения Юга России: к 300-летию провозглашения России империей, 100-летию образования Крымской АССР и 80-летию начала Великой Отечественной войны. Мат-лы региональной научно-практической конференции. – Симферополь, 2021. – С. 24–30.

8. Гуменюк А. Ю. Крымская война: оккупационные власти и городское население (1854–1856) // Парадигмы истории и общественного развития. – 2016. – № 4. – С. 80–84.
9. Есин Б. И. Из прошлого крымской журналистики // Русская литература и журналистика в движении времени. – 2016. – №1. – С. 171–174.
10. Ефимов А. А. «Война дворцам»? Имение Ореанда в годы Крымской войны // Петербургский исторический журнал. – 2024. – № 2 (42). – С. 212–218.
11. Зеленкевич. Высадка англо-французов в Ялте, 22-го и 23-го сентября 1854 года // Северная пчела. – 1855. – № 16 (21 января). С. 75–78.
12. З. [Зеленкевич] С Южного берега Крыма // Северная пчела. – 1855. – № 227 (17 октября). – С. 1197–1199.
13. З. [Зеленкевич] С Южного берега Крыма // Северная пчела. – 1855. – № 230 (20 октября). – С. 1213–1214.
14. З. [Зеленкевич] С Южного берега Крыма // Северная пчела. – 1855. – № 265 (1 декабря). – С. 1401–1402.
15. З. [Зеленкевич] С Южного берега Крыма // Северная пчела. – 1855. – № 277 (16 декабря). – С. 1465–1466.
16. З. [Зеленкевич] С Южного берега Крыма // Северная пчела. – 1856. – № 6 (9 января). – С. 29–30.
17. Из Симферополя // Северная пчела. – 1856. – № 175 (7 августа). – С. 890–891.
18. Известия из Крыма // Северная пчела. – 1856. – № 126 (7 июня). – С. 652.
19. Ко Дню памяти воинов, павших в Крымской войне 1853–1856 гг. // Государственный архив Республики Крым (сайт). – <https://krymgosarchiv.ru/vystavki/188-ko-dnyu-pamyati-voinov-pavshikh-v-krymskoj-vojne-1853-1856-gg-2> (Дата обращения: 06.02.2026).
20. Лучинский Ю. В. Критика европейской прессы на страницах «Северной пчелы» // Медиа в современном мире. 61-е Петербургские чтения: сб. матер. Междунар. научн. форума (21–22 апреля 2022 г.). В 2 т. Т. 2. СПб.: Медиапайр, 2022. – С. 30–32.
21. Лучинский Ю. В. Освещение начала Крымской войны на страницах «Северной пчелы» // Черноморско-средиземноморский регион в системе национальной безопасности России: к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. Материалы Международной научно-практической конференции. – Краснодар, 2025. – С. 65–68.
22. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. – М., 1956–1960. – Т. 2, 4.
23. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя: сборник, издаваемый Комитетом по устройству Севастопольского музея / под ред. Н. Дубровина. – СПб. – 1871–1874.
24. Мащенко А. П. Борьба за Крым в политическом и информационном пространстве: историческая ретроспектива // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2015. – Т. 1 (67). – № 1. – С. 8–16.
25. Миргородский А. В. Крымская война на Азовском море. – М., 2020. – 599 с.
26. Михно Н. Из Симферополя // Северная пчела. – 1855. – № 39 (21 февраля). – С. 193.
27. Михно Н. Из Симферополя // Северная пчела. – 1855. – № 46 (1 марта). – С. 229.
28. Михно Н. Из Симферополя // Русский инвалид. – 1855. №47 (2 марта). – С. 222.
29. Михно Н. Из Симферополя // Северная пчела. – 1855. – № 228 (18 октября). – С. 1203–1204.
30. Михно Н. Из Симферополя // Северная пчела. – 1855. – № 258 (23 ноября). – С. 1363–1364.
31. Михно Н. Вести из Крыма // Северная пчела. – 1856. – № 4 (5 января). – С. 17–18.
32. М. [Михно Н.] Из Симферополя // Северная пчела. – 1856. – № 18 (23 января). – С. 95–96.
33. Михно Н. Из Симферополя // Северная пчела. – 1856. – № 96 (1 мая). – С. 501–502.
34. Орехов В. В. Европейский мираж русской литературы // Русский язык в поликультурном мире. Сборник научных статей IX Международного симпозиума. – Симферополь, 2025. – С. 119–126.
35. Орехова Л. А. Крымская биография П. А. Антоновича: практика расширенного комментария в учебном курсе «Крым литературный» // Современная картина мира: крымский контекст: коллективная монография. Т. 1. – Симферополь, 2017. – С. 326–352.

36. Орехова Л. А. Председатель Крестовоздвиженской общины сестер милосердия В. М. Книжевич // Орехова Л. А. и др. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. – Симферополь: СГТ, 2010. – С. 431–461.
37. Орехова Л. А., Орехов В. В., Первых Д. К., Орехов Д. В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. – Симферополь, 2010. – 480 с.
38. Патрикеева М. В. Крымская война 1853–1856 гг. в литературной памяти современников: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2022. – 235 с.
39. Первых Д. К., Первых В. В. Военные корреспонденции Н. В. Берга в журнале «Москвитянин» (1855 г.) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2015. – Т. 1 (67). – № 1. – С. 95–103.
40. Первых Д. К. Очерки Н. П. Сокальского как этап становления отечественной военной журналистики // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2018. – Т. 4 (70). – № 4. – С. 197–215.
41. Русская периодическая печать. Справочник. – М., 1959. – С. 189.
42. Сартаков Е. В. Публицистика М.П. Погодина времен Крымской войны // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2015. № 5. С. 37–50.
43. Северная пчела на 1857 год // Северная пчела. – 1856. – № 223 (10 октября). – С. 1135–1136.
44. Смирнов Ю. Н. Особенности цензурной политики во время Крымской войны 1853–1856 гг. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2022. – Т. 28. – № 4. – С. 33–37.
45. Сырбу Н. Ялтинский уезд во время Крымской войны // Большая ялтинская энциклопедия. – Режим доступа: https://dzen.ru/a/Z1YMRgu-fXN_N0K9?ysclid=mkguc7bgpk79175289 (Дата обращения: 16.12.2025).
46. Хасьянова А. Д. Первое частное издание Таврической губернии – «Крымский листок» // Исторический журнал: научные исследования. – 2021. – №2. – С. 55–65.
47. Чуркина И. В. «Северная пчела» о событиях на Балканах накануне и во время Крымской войны // Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А.А. Улуяна. – М., 2014. – С. 91–114
48. Щербакова М. И. Керчь 1855 г. История в письмах // Русско-византийский вестник. – 2022. – № 4 (11). – С. 142–160.

References

1. Alabin P. V. *Chety're voiny`. Pokhodny'e zapiski v 1849, 1853, 1854–1856, 1877–1877 godakh*. Vol. 3. *Zashchita Sevastopolya*. [Four wars. Field notes in 1849, 1853, 1854–1856, 1877–1877. Vol. 3. Defense of Sevastopol]. Moscow, 1892. 810 p.
2. Bojarkina N.V. «Krov'ju by sledovalo pisat' jeti zapiski, ne chernilami»: korrespondencii Petra Alabina iz osazhdenного Sevastopolja [“These notes should have been written in blood, not ink”: correspondence by Peter Alabin from besieged Sevastopol]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo*. Filologicheskie nauki, 2025, no. 11 (3), pp. 129–142.
3. Bykovskaya N. V. *Kerch` v gody` Kry`mskoi voiny`* [Kerch during the Crimean War]. *Eastern-Crimean Historical and Cultural museum-preserve* (official website). – Available from: <https://kerchmuseum.ru/ru/publish/kerch-v-gody-krymskoj-vojny1.html> (accessed 16 December 2025).
4. Bykovskaya N. V. *Kerch i Kerchenskii poluostrov v Krymskoi voine: nekotorye voprosy istorii* [Kerch and the Kerch Peninsula in the Crimean War: some historical issues]. *Voenno-istoricheskie chteniya*. 1943. *Vremya korenного pereloma v Velikoi Otechestvennoi voine*. *Materialy` XI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferencii s mezhdunarodny`m uchastiem*. Simferopol, 2023, pp. 119–134.
5. V. K. [Knyazhevich V. M.] *Pis`mo iz Simferopolya* [A letter from Simferopol]. *Severnaya pchela*, 1855, no. 22 (28 January), pp. 105–106.
6. Garyajnov A. *Ura tambovskim damam* [Hooray for the Tambov ladies]. *Severnaya pchela*, 1856, no. 32 (9 February), pp. 165–166.

7. Gromova N. F. *Iz istorii kry'mskogo zdravooxraneniya v kontse 20-h – 30-e gg. XIX v.* [From the history of Crimean healthcare in the late 20s - 30s of the 19th century]. *Aktual'nye voprosy istorii, istoriografii, istochnikovedeniya Yuga Rossii: k 300-letiyu provozglasheniya Rossii imperiei, 100-letiyu obrazovaniya Krymskoi ASSR i 80-letiyu nachala Velikoi Otechestvennoi voiny / Materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferencii*. Simferopol, 2021, pp. 24–30.
8. Gumenyuk A. Y. *Kry'mskaya voyna: okkupatsionny'e vlasti i gorodskoe naselenie* [The Crimean War: the occupation authorities and the urban population (1854–1856)]. *Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiya*, 2016, no. 4, pp. 80–84.
9. Esin B. I. *Iz proshlogo krymskoi zhurnalistiki* [From the past of Crimean journalism]. *Russkaya literatura i zhurnalistika v dvizhenii vremeni*. 2016. №1. Pp. 171–174.
10. Efimov A. A. «Voina dvortsam»? *Imenie Oreanda v gody Krymskoi voiny* [«War on palaces»? Oreanda Estate during the Crimean War]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, 2024, no. 2 (42), pp. 212–218.
11. Zelenkevich. *Vy'sadka anglo-frantsuzov v Yalte, 22-go i 23-go sentyabrya 1854 goda* [The Anglo-French landing at Yalta]. *Severnaya pchela*, 1855, no. 16 (January), pp. 75–78.
12. Z. [Zelenkevich] *S Yuzhnogo berega Kry'ma* [From the southern coast of Crimea]. *Severnaya pchela*, 1855, no. 227 (17 october), pp. 1197–1199.
13. Z. [Zelenkevich] *S Yuzhnogo berega Kry'ma* [From the southern coast of Crimea]. *Severnaya pchela*, 1855, no. 230 (20 october), pp. 1213–1214.
14. Z. [Zelenkevich] *S Yuzhnogo berega Kry'ma* [From the southern coast of Crimea]. *Severnaya pchela*, 1855, no. 265 (1 december), pp. 1401–1402.
15. Z. [Zelenkevich] *S Yuzhnogo berega Kry'ma* [From the southern coast of Crimea]. *Severnaya pchela*, 1855, no. 277 (16 december), pp. 1465–1466.
16. Z. [Zelenkevich] *S Yuzhnogo berega Kry'ma* [From the southern coast of Crimea]. *Severnaya pchela*, 1856, no. 6 (9 January), pp. 29–30.
17. *Iz Simferopolya* [From Simferopol]. *Severnaya pchela*, 1856, no. 175 (7 august), pp. 890–891.
18. *Izvestiya iz Kry'ma* [News from Crimea]. *Severnaya pchela*, 1856, no. 126 (7 June), pp. 652.
19. *Ko Dnyu pamyati voinov, pavshih v Krymskoi voine 1853–1856 gg.* [Commemoration Day of the soldiers who fell in the Crimean War of 1853–1856]. *Gosudarstvenny'i arhiv Respubliki Kry'm (sait)*. – Available from: <https://krymgosarchiv.ru/vystavki/188-ko-dnyu-pamyati-voinov-pavshikh-v-krymskoj-voine-1853-1856-gg-2> (accessed 16 December 2025).
20. Luchinskii Yu. V. *Kritika evropeiskoi pressy na stranitsakh «Severnoi pchely» v period Kry'mskoi voiny* [Criticism of the European press on the pages of the Northern Bee during the Crimean War]. *Media v sovremennom mire. 61-e Peterburgskie chteniya: sb. mater. Mezhdunar. nauchn. foruma. (21–22 aprelya g.)*. In 2 vols. Vol. 2. St. Petersburg: Mediapapir, 2022, pp. 30–32.
21. Luchinskii Yu. V. *Osveshchenie nachala Krymskoi voiny na stranitsakh «Severnoi pchely»* [Coverage of the outbreak of the Crimean War on the pages of the «Severnaya pchela»]. *Chernomorsko-sredizemnomorskii region v sisteme nacional'noi bezopasnosti Rossii: k 80-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii, Krasnodar, 22–24 maya 2025 goda*. Krasnodar: Kubanskii gosudarstvenny'i universitet, 2025, pp. 65–68.
22. Masanov I. F. *Slovar` psevdonimov russkikh pisatelei, ucheny'h i obshchestvenny'h deyatelei: v 4 t.* [Dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and public figures: in 4 vol.] M., 1956–1960. Vol. 2, 4.
23. *Materialy` dlya istorii Krymskoi voiny i oborony Sevastopolya* [Materials for the history of the Crimean War and the defense of Sevastopol]. Saint-Petersburg. Vol. 3. 488 p.
24. Mashchenko A. P. *Bor`ba za Krym v politicheskom i informatsionnom prostranstve: istoricheskaya retrospektiva* [The Struggle for Crimea in the Political and information space: a historical retrospective]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2015, vol. 1 (67), no. 1, pp. 8–16.
25. Mirgorodsky A. V. *Kry'mskaya voyna na Azovskom more* [The Crimean War on the Sea of Azov]. Moscow, 2020, 599 p.
26. Mihno N. *Iz Simferopolya* [From Simferopol]. *Severnaya pchela*, 1855, no. 39 (21 February), pp. 193.

27. Mihno N. *Iz Simferopolya* [From Simferopol]. *Severnaya pchela*, 1855, no. 46 (1 March), pp. 229.
28. Mihno N. *Iz Simferopolya* [From Simferopol]. *Russkii invalid*, 1855, no. 47 (2 March), pp. 222.
29. Mihno N. *Iz Simferopolya* [From Simferopol]. *Severnaya pchela*, 1855, no. 228 (18 October), pp. 1203–1204.
30. Mihno N. *Iz Simferopolya* [From Simferopol]. *Severnaya pchela*, 1855, no. 258 (23 November), pp. 1363–1364.
31. Mihno N. *Vesti iz Kry`ma* [News from Crimea]. *Severnaya pchela*, 1856, no. 4 (5 January), pp. 17–18.
32. M. [Mihno N.] *Iz Simferopolya* [From Simferopol]. *Severnaya pchela*, 1856, no. 18 (23 January), pp. 95–96.
33. Mihno N. *Iz Simferopolya* [From Simferopol]. *Severnaya pchela*, 1856, no. 96 (1 May), pp. 501–502.
34. Orekhov V. V. *Evropejskii mirazh russkoj literatury`* [The European Mirage of Russian Literature]. *Russkii yazyk v polikul`turnom mire. Sbornik nauchny`kh statei IX Mezhdunarodnogo simpoziuma. Simferopol*, 2025, pp. 119–126.
35. Orehova L. A. *Krymskaya biografiya P. A. Antonovicha: praktika rasshirennogo kommentariya v uchebnom kurse «Krym literaturnyi»* [The Crimean biography of P. A. Antonovich: the practice of extended commentary in the educational course «Crimea literary»]. *Sovremennaya kartina mira: krymskii kontekst: kollektivnaya monografiya*, vol. 1. Simferopol, 2017, pp. 326–352.
36. Orehova L. A. *Predsedatel` Krestovozdvizhenskoi obshchiny` sester miloserdiya V. M. Knizhevich* [Chairman of the Holy Cross Community of Sisters of Mercy V. M. Knyazhevich]. *Kry`mskaya Iliada. Kry`mskaya (Vostochnaya) vojna 1853–1856 godov glazami sovremennikov: literatura, arhivy`*, pressa. Simferopol`: SGT Publ., 2010, pp. 431–461.
37. Orehova L. A., Orehov V. V., Pervyh D. K., Orehov D. V. *Krymskaja Iliada. Krymskaja (Vostochnaja) vojna 1853–1856 godov glazami sovremennikov: literatura, arhivy, pressa* [Crimean Iliad. The Crimean (Eastern) War of 1853–1856 through the Eyes of Contemporaries: Literature, Archives, Press]. Simferopol, 2010, 480 p.
38. Patrikeeva M. V. *Kry`mskaya vojna 1853–1856 gg. v literaturnoi pamyati sovremennikov: Dis... cand. philol. nauk* [The Crimean War of 1853–1856 in the literary memory of contemporaries: Thesis]. Moscow, 2022. 235 p.
39. Pervyh D. K., Pervyh V. V. *Voennye korrespondencii N. V. Berga v zhurnale «Moskvitianin»* (1855 g.) [Military correspondence by N. V. Berg in the journal “Moskvityanin” (1855)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2015, vol. 1 (67), no. 1, pp. 95–103.
40. Pervyh D. K. *Ocherki N. P. Sokal'skogo kak jetap stanovlenija otechestvennoj voennoj zhurnalistiki* [Essays by N. P. Sokalsky as a stage in the formation of domestic military journalism]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2018, vol. 4 (70), no. 4, pp. 197–215.
41. *Russkaya periodicheskaya pechat`* [Russian periodical press]. Handbook. Moscow, 1959, p. 189.
42. Sartakov E. V. *Publitsistika M. P. Pogodina vremen Krymskoi voiny* [The journalism of M. P. Pogodin during the Crimean War]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*, 2015, no. 5, pp. 37–50.
43. *Severnaya pchela na 1857 god. Severnaya pchela*, 1856, no. 223 (10 October), pp. 1135–1136.
44. Smirnov Yu. N. *Osobennosti tsenzurnoi politiki vo vremya Krymskoi voiny 1853–1856 gg.* [Peculiarities of censorship policy during the Crimean War of 1853–1856]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologiya*, 2022, vol. 28, no. 4, pp. 33–37.
45. Syrbu N. *Yaltinskii uezd vo vremya Krymskoi voiny* [Yalta district during the Crimean War]. *The Great Yalta Encyclopedia*. Available from: https://dzen.ru/a/Z1YMRgu-fXH_N0K9?ysclid=mkguc7bgpk79175289/ (accessed 16 December 2025).
46. Has`yanova A. D. *Pervoe chastnoe izdanie Tavricheskoi gubernii – «Krymskii listok»* [The first private publication of the Taurida province – «Krymskii listok»]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*, 2021, no. 2, pp. 55–65.

47. Churkina I. V. «*Severnaya pchela*» o sobyitiyakh na Balkanakh nakanune i vo vremya Krymskoi voyny [«*Severnaya pchela*» about the events in the Balkans on the eve and during the Crimean War]. *Slavyane i Rossiya: slavyanskii i balkanski narody v periodicheskoi pechati. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya A. A. Ulunyana*. Moscow, 2014, pp. 91–114.
48. Shcherbakova M. I. *Kerch 1855 g. Istoriya v pis'makh* [Kerch, 1855. History in letters]. *Russko-vizantiiskii vestnik*, 2022, no. 4, pp. 142–160.

**«THE SEVERNAYA PCHELA» ABOUT THE LIFE OF THE NEAR REAR
DURING THE FIRST HEROIC DEFENSE OF SEVASTOPOL**

Boyarkina N. V.

The literary and political newspaper «*Severnaya Pchela*» actively participated in the information confrontation during the Crimean War, providing readers with a variety of information about the conflict, which attracted the main attention of the public. Among the significant editorial practices that contributed to the growth of readership interest is the organization of the work of regular correspondents of the publication in the theater of war operations and in the rear cities. The editorial board managed to ensure a regular admission of its own information from the army: Pyotr Alabin was the war correspondent of the «*Severnaya Pchela*», as well as from the rear cities of Simferopol and Yalta, where the newspaper also had its own correspondents. The article analyzes newspaper publications about the life of Simferopol and the Southern coast of Crimea during the war. It is noted that these materials are of interest not only from the point of view of studying journalistic strategies and tactics, but also as a source on the history of events that took place during the war in Yalta and Simferopol, as well as Yevpatoria and Kerch.

Keywords: Crimean War, «*Severnaya Pchela*», own correspondent, Simferopol, Yalta, Kerch, Yevpatoria.